

ВВЕДЕНИЕ

Картвельская, или иберийская, группа языков представлена тремя языками Закавказья: грузинским, обладающим богатой литературной традицией начиная с V-го в. н. э., и бесписьменными: занским (или мегрельско-чанским) и сванским. Большое число формально-функциональных соответствий, наблюдаемых между этими языками, позволяет считать их относительно близкородственными и выводить из гипотетически постулируемого общекартвельского языка-основы¹.

Грузинский язык представлен в настоящее время большим числом диалектов и обладает длительной литературной традицией (его древнейшей фиксацией являются надпись на полу грузинского монастыря в Иерусалиме² и надпись на соборе в Болнисе, восходящие к V в. н. э.). Согласно преобладающей в современной картвелистике периодизации истории грузинского языка, письменные памятники эпохи V—XI вв. написаны на так называемом древнегрузинском языке (по терминологии Н. Я. Марра — древнелитературном грузинском). Распространенный в Западной Грузии и частично в турецком Лазистане занский, или мегрельско-чанский, язык складывается из значительно отличающихся друг от друга (и разделенных ныне полосой западно-грузинских говоров) мегрельского и чанского (лазского) диалектов и в общем очень близок грузинскому. Сванский же, представленный ныне на узкой территории в горных верховьях Ингура и Цхенис-Цхали четырьмя диалектами (верхнебальским, нижнебальским, лашхским и лентехским), занимает несколько

¹ Родство этих языков на лексическом материале впервые было замечено уже в XVIII столетии И. Гюльденштедтом (J. A. G ü l d e n s t ä d t. *Reisen durch Russland und im Caucasischen Gebürge*, herausgegeben von P. S. Pallas. Th. II. St.-Petersburg, 1791, 496—503). После известного исследования Франца Боппа, безуспешно пытавшегося обосновать их генетическую связь с индоевропейскими языками (Fr. B o p p. *Die kaukasischen Glieder des indoeuropäischen Sprachstamms*. Berlin, 1847), оно фактически уже не вызывало сомнений.

² См.: Г. В. Церетели. Древнейшие грузинские надписи из Палестины. Тбилиси, 1960.

обособленную лингвистическую позицию: его диалекты, довольно существенно отличающиеся друг от друга, сохраняют немало интересных и очень ценных для сравнительно-исторической грамматики картвельских языков архаизмов. Занский и сванский языки текстуально засвидетельствованы в основном лишь с конца прошлого столетия.

За длительный период исследования этих языков картвеловедами собран очень богатый фактический материал и достигнуты серьезные успехи в его анализе, так что картвелистика по праву считается наиболее развитой отраслью кавказского языкознания в целом. Итогом этой работы явилось опубликование, главным образом на грузинском языке, ряда обобщающих работ, среди которых видное место занимают исследования сравнительно-исторического характера³. Вместе с тем в сравнительно-исторической картвелистике остро чувствуется необходимость создания новых исследований, обобщающих и теоретически осмысляющих новый фактический материал, выявленный интенсивным развитием науки за последние годы. Логика науки учит, что теоретическое осмысление фактов путем выдвижения на каждом данном этапе развития науки гипотез, соответствующих уровню эмпирических знаний, является элементарной предпосылкой дальнейшего прогресса каждой конкретной отрасли знания. Известно, что без выдвижения на каждом этапе развития науки новых научных гипотез исследование теряет свою целеустремленность и превращается в бесцельное коллекционирование фактов. Самая точка зрения о возможности в науке периодов, когда выдвижение гипотез на основе новых эмпирических данных преждевременно, с логической неизбежностью приводит к плоскому эмпиризму, проповедывавшемуся позитивистами прошлого столетия, против которого направлял острие своей критики Фр. Энгельс. Единственное требование к каждой новой гипотезе заключается в том, чтобы она служила творческим инструментом познания и не превращалась в догму. Именно такими актуальными задачами картвелистики являются написание сравнительно-исторической грамматики и этимологического словаря картвельских языков. Разумеется, отсутствие соответствующего обоб-

³ Ср. Н. Я. Марр. Грамматика чанского (лазского) языка с хрестоматией и словарем. СПб., 1910; И. Кипшидзе. Грамматика мингрельского (иверского) языка с хрестоматией и словарем. СПб., 1914; © В. Т. Топуриа. Сванский язык. I. Глагол. Тбилиси, 1931; © А. Г. Шанидзе. Основы грузинской грамматики. I. Морфология. Тбилиси, 1953; © его же. Вопросы структуры и истории грузинского языка. I. Тбилиси, 1957; © А. С. Чикобава. Грамматический анализ чанского (лазского) диалекта с текстами. Тбилиси, 1936; © его же. Проблема эргативной конструкции в иберийско-кавказских языках, т. I. Тбилиси, 1948; © И. Имнашвили. Склонение имен и функции падежей в древнегрузинском языке. Тбилиси, 1957, и мн. др. — Здесь и ниже знак © указывает, что соответствующая работа написана на грузинском языке.

щающего издания еще не означает отсутствия разработки самой проблематики, однако сведение воедино материала (иногда независимо повторяющегося в разных конкретных исследованиях) и рассмотрение его с единой точки зрения уже само по себе является необходимым этапом в развитии любой отрасли знания.

Предлагаемый «Этимологический словарь картвельских языков» выполнен по плану научно-исследовательских работ сектора кавказских языков Института языкознания АН СССР в 1960—1962 гг. Основная задача словаря состоит в возможно более полном выявлении общекартвельского и грузинско-занского материального (лексического и морфемного) фонда. Вместе с тем он имеет и самостоятельное значение для разработки сравнительно-исторической грамматики картвельских языков. Словарь входит в серию аналогичных работ сектора, призванных заложить материальный фундамент для дальнейшего обсуждения проблем так называемой иберийско-кавказской гипотезы, предполагающей наличие генетического родства между тремя группировками автохтонных языков Кавказа: картвельской, абхазско-адыгской и нахско-дагестанской. Такой направленностью объясняется ряд особенностей словаря.

* * *

Несмотря на то, что этимология смело может быть причислена к древнейшим областям лингвистического знания, она и по сей день продолжает оставаться в значительной мере эмпирической наукой. Увлекательность этимологических штудий, сплошь и рядом позволяющих раскрывать неожиданные языковые (а за ними и многие другие) связи, постоянно стимулировала бесконечные серии конкретных этимологических разысканий на самом разнообразном языковом материале, заслоняя собой необходимость эксплицирования самых основ исследования. В настоящее время найдется едва несколько общих работ, освещающих основные вопросы теории и методики этой важнейшей отрасли исторической лексикологии. Однако даже такие обобщающие исследования, как относительно недавно вышедшие работа В. Пизани (*V. Pisanì. L'etimologia. Storia — questioni — metodo. Milano, 1947; русск. пер. — М., 1956*) и труд А. А. Белецкого (*А. А. Белецкий. Принципы этимологических исследований: на материале греческого языка. Киев, 1950*) не охватывают всех аспектов современного этимологического исследования. Очень ограниченными в этом отношении, как правило, оказываются вводные разделы ныне уже довольно многочисленного ряда этимологических словарей.

В определенной мере подобное отставание было, по-видимому, предопределено и авторитетной, но тем не менее ошибочной

формулировкой Фердинанда де-Соссюра, утверждавшего, что хотя этимология и использует все те средства, которые в ее распоряжение предоставляет лингвистика, она «не задерживает своего внимания на выяснении характера тех операций, которые ей приходится производить»⁴. Между тем, такое положение вещей не соответствует той выдающейся роли, которую играет этимология в решении различных проблем, теснейшим образом связанных с историей общества (историей его материальной культуры, социального строя), этногенезом, исторической географией и т. п. В то же время рассмотрение того синтеза индуктивных и дедуктивных методов, который так наглядно осуществляется в ходе этимологического исследования, дало бы много поучительного для методологии научного познания вообще. Эти обстоятельства заставляют коснуться ниже целого ряда важных вопросов этимологической проблематики. Здесь представляется целесообразным остановиться, во-первых, на некоторых общих вопросах методики этимологического исследования и, во-вторых, на теоретических проблемах лингвистической реконструкции, органически связанных с применяемыми в данной работе процедурами⁵.

Прежде всего следует сказать несколько слов о специфике этимологического исследования, определяющей его место среди других дисциплин, изучающих язык. Автор разделяет точку зрения, согласно которой этимология не представляет собой какой-либо особой, самостоятельной отрасли языкознания, а является составной частью исторической лексикологии⁶. В соответствии с таким положением она разделяет вместе с другими областями лексикологии теоретический и методический статус последней, чем резко противопоставляется разнообразным лингвистическому исследованию, ориентирующимся на чисто структурные языковые критерии (например, фонологическому или морфологическому анализу). Отсюда важнейшим методическим следствием является необходимость учета в этимологическом исследовании конкретной культурно-исторической перспективы функционирования языка, контролирующей достоверность этимологических решений. Можно привести много

⁴ Фердинанд де-Соссюр. Курс общей лингвистики. М., 1933, стр. 173.

⁵ Серьезный вклад в теорию и методику этимологии вносит ряд статей отечественных этимологов, опубликованных в 50-х годах. Ср.: Р. А. Ача-рян. О составлении этимологического словаря славянских языков. — ВЯ, 1952, № 4; В. И. Абаев. О принципах этимологического словаря. — ВЯ, 1952, № 5; его же. О принципах этимологического исследования. «Вопросы методики сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков». М., 1956; О. Н. Трубачев. Принципы построения этимологических словарей славянских языков. — ВЯ, 1957, № 5, и др.

⁶ См.: В. И. Абаев. О принципах этимологического исследования, стр. 288; Y. Malkiel. Etymology and general linguistics. «Words», vol. 18 (1962), № 1—2, стр. 198, 200.

примеров, когда следование одной формальной методике при незнании самих реалий, отражаемых в словарном составе языка, приводит к серьезным ошибкам. Достаточно сказать, например, что повторяемость закономерно дифференцированных по картвельским языкам основ со значениями «писать» и «пахать» приводит как будто к реконструкции соответствующих семантических точек для общекартвельского хронологического уровня. Между тем, культурно-исторический контекст функционирования общекартвельского языка-основы заставляет сильно сомневаться в правильности такого вывода. На этом же основании невозможно проецировать значение общей грузинско-занской основы **kiitx*- 'читать' даже на грузинско-занскую хронологическую плоскость, где она могла иметь только значение 'спрашивать'.

В специальной литературе уже имеются опыты выявления основных факторов, определяющих структуру и исследовательскую методику этимологического словаря. Их рассмотрение привело даже к первым опытам определения «дифференциальных признаков», согласно которым могут быть распределены все опубликованные словари (в частности, оно вскрыло многочисленные различия в сочетаемости этих признаков от словаря к словарю)⁷. В связи с предлагаемой работой целесообразно остановиться еще на одном важном факторе — хронологической ориентированности материала. Необходимость хронологической ориентированности материала в словарях диктуется уже самим требованием системного подхода к языку во всяком лингвистическом исследовании. С этой точки зрения следует разграничивать два принципиально отличных типа этимологических словарей. К первому из них относятся словари, ориентированные на некоторую последующую в истории языков хронологическую плоскость. В подавляющем большинстве случаев в ее роли, естественно, выступит временная плоскость, синхронная с самим исследованием (ср., например, словари В. И. Абаева, Ю. Х. Тойвонена и др.⁸), хотя нередко ее роль выполняет уже пройденная историческая эпоха (ср. словари А. Эрну — А. Мейе, М. Майрхофера и др.⁹). Исследование этого типа характеризуется тем, что оно направлено на рассмотрение всех без исключения лекси-

⁷ Ср., например: Y. Malkiel. A tentative typology of etymological studies. «International Journal of American Linguistics», vol. 23 (1957), стр. 2—14; его же. A typological classification of dictionaries on the basis of distinctive features. «International Journal of American Linguistics», vol. 28 (1962), стр. 3—24.

⁸ Ср.: В. И. Абаев. Историко-этимологический словарь осетинского языка, I. М., 1955; Y. H. Toivonen. Suomen kielen etymologinen sanakirja, I-III. Helsinki, 1955—1962.

⁹ Ср.: A. Ernout et A. Meillet. Dictionnaire étymologique de la langue latine. Histoire des mots. 3-me éd. t. I—II. Paris, 1951; M. Mayrhofer. Kurzgefasstes etymologisches Wörterbuch des Altindischen. Heidelberg, 1953.

ческих единиц, наличных на данном этапе, независимо от времени и специфики их происхождения. Другой тип этимологических словарей являет собой как бы хронологическую инверсию: он ориентирован на некоторую предшествующую в истории языков плоскость. Словари этого типа учитывают лишь строго ограниченную часть лексического материала, зафиксированного в синхронном с исследованием состоянии (сюда не входят позднейшие новообразования, заимствования и т. п.) и, напротив, стремятся к максимальному учету единиц, существовавших на определенном доисторическом этапе. Их материал приобретает особую ценность для различного рода генетических исследований. Примером такого словаря следует считать широко известную работу Юлиуса Покорного¹⁰. «Этимологический словарь картвельских языков» приближается к работе Ю. Покорного как по своей временной ориентированности, так и по самой исследовательской методике. В обоих случаях последняя сводится в общих чертах к сопоставлению засвидетельствованных по современным языкам данных и возведению их к определенному фонетико-семантическому прототипу.

Из сказанного становится очевидной другая и, по-видимому, более важная линия разграничения между этимологическими словарями. С одной стороны, оказываются объединенными как словари-исследования языка, оба только что рассмотренных типа словарей. Они имеют целью показать в соответствии с их хронологической ориентированностью ретроспективную или перспективную трансформацию словарного состава языка в его системных связях (именно такую цель и преследует «Этимологический словарь картвельских языков»). С другой стороны, должны быть сгруппированы словари-справочники, важность которых подчеркивал в свое время Л. В. Щерба¹¹, представляющие собой механическое собрание разновременного существовавших словарных фактов. Естественно, что работы этого типа не способны дать картины реального словарного состава языка; зато они предоставляют в распоряжение лингвиста исчерпывающую информацию как об истории конкретных лексических единиц, так и об этимологических решениях, уже предложенных в специальной литературе. Нельзя не отметить, что большинство этимологических словарей по своей внутренней структуре заметно тяготеет именно к типу словаря-справочника.

Господствующая в современной этимологии точка зрения считает несостоятельным оптималистское требование сведения

¹⁰ J. Pokorny. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch, Bd I. Bern und München (1959). — Издание является улучшенной переработкой словаря А. Вальде — Ю. Покорного, выходившего в 1927-1928 гг. и ставшего библиографической редкостью.

¹¹ См.: Л. В. Щерба. Опыт общей теории лексикографии. «Изв. АН СССР, ОЛЯ», 1940, № 3, стр. 89—90.

слов к их «первоначальной» внутренней форме, выдвигавшееся перед этимологическим исследованием античными авторами и ранними (в основном до Георга Курциуса) компаративистами. Уже не говоря о том, что такое требование вступало в постоянное противоречие с самой исследовательской практикой, как известно, никогда не обходившейся без некоторого варьирующего по различным языкам «индетерминированного остатка», этимоны которого неизбежно оказывались за доступным исследованием пределом, оно подверглось убедительной критике и в теоретико-методическом плане. Справедливо, в частности, нередко приводимое указание Х. Педерсена о том, что нет никакого основания считать, будто «первоначальный» индоевропейский язык был этимологически более прозрачным, чем какой-либо из языков, стоящих ближе к нашей эпохе¹². Возможность и во многих случаях необходимость наложения определенных хронологических ограничений на этимологическое исследование является, на наш взгляд, дополнительным аргументом методического характера в пользу современной точки зрения.

Этимологический словарь языковой группы, знакомой с более или менее значительной литературной традицией, объективно становится и «историческим» в узком смысле слова (т. е. имеющим дело с разновременными письменными памятниками) словарем. Хорошим примером такого рода может служить известный латинский словарь А. Эрну и А. Мейе, распределивших между собой работу таким образом, что первый излагал то, что можно было узнать путем изучения текстов, а второй взял на себя историю слов до первых показаний текстов.

В предлагаемой работе такую дополнительную направленность обуславливает наличие многочисленных памятников древнелитературного грузинского языка. Конечно, работа лишена той детальной филологической разработки материала (свидетельства различных источников, первая фиксация форм и т. п.), которая характеризует «исторический» в узком смысле слова словарь; однако тот минимальный филологический комментарий, который необходим для того, чтобы придать большую полноту грузинскому материалу словаря, она, в общем обеспечивает. Этого тем более достаточно, так как интерпретация древнегрузинских форм, хотя и вызывающая иногда затруднения, в целом не представляет большой сложности (ввиду близости древнеписьменных фактов к современным).

По сравнению с трудом Ю. Покорного «Этимологический словарь картвельских языков» характеризуют некоторые методические «инновации».

Прежде всего здесь следует назвать конкретную хронологическую соотнесенность реконструируемых в работе фактов.

¹² Ср.: В. Пизани. Этимология..., стр. 114—115.

В специальной литературе уже отмечалось, что в словаре Ю. Покорного, по существу, не удалось преодолеть ошибки так называемой плоскостной реконструкции, при которой предельно восстанавливаемые в каждом случае факты, восходящие на деле к различным временным уровням и географическим ареалам, оказываются объективно притянутыми к некоторой идеальной пространственно-временной плоскости реконструкции. С попыткой предупредить опасность подобной плоскостной реконструкции сталкиваемся в известном этимологическом словаре Б. Коллиндера, различающем две группы фактов: финно-угорские и общекартвельские¹³. В связи с особенностями филиации картвельских языков в данном словаре введены две хронологически различные плоскости реконструкции, наилучшим образом контролируемые методикой сравнительно-исторического анализа: грузинско-занская и общекартвельская (подробнее см. ниже, стр. 16—18).

Другая методическая инновация данного исследования заключается в применении к картвельскому материалу метода типологического эталонирования. Она вытекает из того обстоятельства, что современное этимологическое исследование при вовлечении в свою орбиту материала каждой новой языковой группировки имеет уже возможность опереться на фактические результаты, достигнутые этимологией за длительный период исследования индоевропейских и отдельных других относительно хорошо изученных лингвистических семей. В предлагаемом труде, в частности, была предпринята попытка использовать некоторые материально-типологические параллелизмы индоевропейских и отчасти финно-угорских языков для констатации звукоподражательного, символического, экспрессивного и т. п. характера целого ряда картвельских основ. Целесообразность применения метода типологического эталона диктуется тем очевидным обстоятельством, что далеко не всегда имеется возможность обнаружить соответствующий характер основ исключительно на материале исследуемой языковой группировки. Вместе с тем известная ограниченность набора звукотипов, характеризующих эти основы (нередко восходящие, как известно, к лексике детского языка), способствует его относительно легкой инвентаризации и сопоставлению с любым новым языковым материалом. По мере прогресса этимологических штудий в различных лингвистических семьях обобщение соответствующего лексического материала должно стать предметом самостоятельного исследования типологического характера.

Кроме того, производные основы, соответствовавшие на принятых в работе хронологических уровнях реконструкции само-

¹³ См. B. Collinder. *Fenno-ugric vocabulary. An etymological dictionary of the Uralic languages.* Stockholm, 1955.

стоятельным лексическим единицам, в словаре всегда рассматриваются отдельно от лежащих в их основе непроеизводных¹⁴. Такой аналитический метод подачи материала в противоположность методу так называемых этимологических гнезд дает наглядное представление о самом словарном инвентаре, наличном в определенную эпоху «Метод этимологических гнезд означает то, что разные производные, давно имеющие в языке свою собственную судьбу и историю... оказываются формально подчиненными одной общей основе. Современное этимологическое исследование... как раз предполагает обязательный интерес к реальным единицам речи, будь то производные с продуктивными или непроеизводными суффиксами»¹⁵. Вместе с тем метод этимологических гнезд чреват опасностью преждевременного включения в одну рубрику основ, обнаруживающих на деле различные генетические связи, что объективно затрудняет исследование.

Наконец, в словарь нашли доступ некоторые археологические, исторические и другие лингвистические сведения, связанные с рассматриваемыми лексическими единицами. Они важны для контролирования конкретных этимологических решений и для придания реального хронологического ориентира в употреблении реконструируемых единиц.

«Этимологический словарь картвельских языков» строится в основном в плане традиционного лингвистического исследования. Следует при этом иметь в виду, что в условиях почти полного отсутствия собственно картвелистической традиции аналогичного плана, работа опиралась на опыт индоевропеистики. Должно быть естественным, что она не учла некоторых новых принципов этимологического исследования (связанных с именами В. Махка, Я. Отрембского, А. Вайяна и др.), находящихся в стадии разработки и, судя по всему, не всегда адекватных материалу (ср. например, широкое принятие нерегулярных, чаще всего экспрессивных фонетических изменений)¹⁶. Фигурально говоря, задачей «Этимологического словаря картвельских языков» является воссоздание, с известным более или менее грубым приближением, результатов полевого сбора материала у местного информатора, который мог бы быть принят на хронологических уровнях, соответствующих «временной глубине» (time depth) реконструкции в словаре. В воз-

¹⁴ Связи между различными основами в словаре систематически отмечаются.

¹⁵ О. Н. Трубачев. Новые этимологические словари славянских языков. — ВЯ, 1958, № 4, стр. 130; ср. его же. Об этимологическом словаре русского языка. — ВЯ, 1960, № 3, стр. 61.

¹⁶ Ср.: О. Н. Трубачев. Об этимологическом словаре. ., стр. 67—68; В. Н. Топоров. О некоторых теоретических основаниях этимологического анализа (обсуждение Русского этимологического словаря М. Фасмера). — ВЯ, 1960, № 3, стр. 46.

возможности подобного воссоздания нельзя не видеть убедительного свидетельства силы современной методики сравнительно-исторического анализа. В то же время структурный аспект характеризует данную работу лишь в той мере, в какой он присущ всякому традиционному исследованию, поскольку последнее затрагивает структурные единицы сравниваемых языков (а также в связи со стремлением последовательно провести системный подход к языковому материалу). Проблема внедрения структурных методов в этимологическое исследование, как известно, поставлена на повестку дня языкознания недавно. Первые опыты в этом направлении можно усматривать в отдельных статьях Э. Бенвениста, П. Гиро, В. Порцига, Ж. Дюмезиля¹⁷. Однако наиболее перспективные пути введения принципов структурного анализа в этимологию представляются в настоящее время во многом неясными. Серьезные задачи ставит уже сама множественность решений, с которой сталкивается исследователь в ходе структурного моделирования языка. При этом, разумеется, нельзя смешивать применение структурных методов в этимологическом исследовании со структурным анализом самой языковой данности (в настоящем случае — общекартвельской), так или иначе постулируемой «Этимологическим словарем».

Основной метод исследования — метод сравнительной (или внешней) реконструкции лингвистических фактов прошлого, традиционно отождествляемый со сравнительно-историческим методом, — основан на сопоставлении реально засвидетельствованных по современным картвельским языкам звучаний и значений и гипотетическом выведении соответствующего звучания и значения для хронологических уровней реконструкции. Метод внутренней реконструкции фактов каждого отдельного картвельского языка играет в работе подчиненную роль. Он используется для воссоздания фактов отдельных языков, сопоставляющихся с соответствующими фактами других.

Выполняемое сравнительно-историческое исследование основывается на разграничении онтологического и методического аспектов. Современное сравнительно-историческое языкознание исходит из того факта, что полнота онтологической характеристики гипотетически воссоздаваемого объекта зависит от количества информации, представляемого лингвисту реальными объектами, на которых базируется конкретная процедура реконструкции¹⁸. Вместе с тем, в силу многих объективных обстоятельств, приводящих к бесследной утрате некоторого числа языковых фактов (ср. известный пример А. Мейе о неадекватности засвидетельствованной письменными памятниками си-

¹⁷ Ср.: В. Н. Топоров. Указ. соч., стр. 44—59.

¹⁸ Ср.: W. P. Lehmann Historical linguistics: an introduction. N. Y., 1962, стр. 84.

стемы латинского склонения и попыток ее восстановления по данным современных романских языков), исследователь обычно сталкивается с неполнотой подобной информации. Отсюда следует, что степень адекватности выполняемой реконструкции некоторого гипотетического объекта приобретает вероятностный характер и зависит от статистического подкрепления реально засвидетельствованными фактами. В этой связи необходимо отметить, что если сравнительно-историческое языкознание уже давно справедливо отвергло мысль о том, что наши реконструкции являются копиями исторических объектов (ср., например, критику методологической несостоятельности попытки А. Шлейхера написать текст на общеиндоевропейском языке), то преодоление противоположной крайности, заключающейся в стремлении усматривать в наших реконструкциях символ или формулу, за которым стоит лишь отличный от других ряд фонетико-семантических соответствий и который является, следовательно, лишь концептуальным носителем изменений наших научных воззрений, является по-прежнему актуальным. Так называемая алгебраическая точка зрения, восходящая еще к некоторым младограмматикам и позднее с такой настойчивостью пропагандировавшаяся работами А. Мейе¹⁹, в настоящее время дает себя знать даже в такой методически передовой отрасли современного языкознания, как индоевропейская «ларингалистика» (ее представители утверждают, что фонетическая характеристика постулируемых ларингальных несущественна и значим сам по себе только факт, что те или иные особенности языкового материала требуют восстановления или обозначения некоторых определенных единиц). Конкретное положение дел в сравнительно-историческом языкознании свидетельствует поэтому о преждевременности утверждения Р. Якобсона о том, что в настоящее время мы одинаково далеки от наивного эмпиризма, мечтавшего о фонографической записи индоевропейских звуков, и от его противоположности — агностического отказа от исследования структурных соотношений между индоевропейскими фонемами и робкого сведения их системы к простому перечню номеров²⁰. В плане семантической реконструкции коллизия между онтологической и методической сторонами исследования приводит к тому, что реконструируемым сравнительной грамматикой словам приписывается абстрактное значение, в то время как в засвидетельствованных языках они обычно

¹⁹ Ср.: А. Мейе. Введение в сравнительно-историческое изучение индоевропейских языков. М., 1938, стр. 74; эту точку зрения в последнее время см. в статье: E. Pulgram. Proto-indoeuropean reality and reconstruction. — *Lg.*, vol. 35, № 3, 1959.

²⁰ См.: R. Jakobson. Typological studies and their contribution to historical comparative linguistics. «Proceedings of the Eight International Congress of linguists». Oslo, 1958, стр. 16.

имеют конкретную семантику. Так, А. Мейе утверждал, что «просматривая этимологический словарь, мы получаем такое впечатление, будто индоевропейский язык, обладал словами и корнями абстрактного и общего значения, между тем как каждый из индоевропейских говоров надо представлять себе вроде какого-нибудь современного литовского говора, бедного общими понятиями и изобилующего точными названиями конкретных действий и мелочей домашнего обихода...»²¹. Следует здесь же заметить, что в этом высказывании смешаны совершенно несопоставимые вещи: объективная реальность языка, имеющая свою онтологическую характеристику, с одной стороны, и методический прием введения формулы, с другой. Тем более невозможно согласиться с дальнейшим выводом А. Мейе, согласно которому в результате семантической реконструкции «остается одна абстракция, которая дает средство для оправдания сопоставления, но не для установления первоначального значения слова»²². Нетрудно видеть, что под словами и корнями «абстрактного и общего значения» здесь на деле выступает формула семантической реконструкции. Современное сравнительно-историческое языкознание считает, что в ходе семантической реконструкции исследование приходит к формуле, вполне аналогичной по своей методической значимости фонетической, и что за этой формулой всегда стоят те или иные конкретные значения. Именно в качестве подобной формулы и следует рассматривать все приводимые в данной работе «пра-значения» (наличие двух и более параллельных празначений диктуется необходимостью придать соответствующей формуле большую точность). Более того, не видно оснований сомневаться в высокой степени адекватности отражения этими формулами того реального положения вещей, которое характеризовало праязыковое состояние.

Конечно, вряд ли можно сомневаться в необходимости в ходе сравнительно-исторического исследования чисто операционального этапа анализа, приводящего к строгому разграничению всех специфических фонетико-семантических соответствий и к их фиксации в виде соответствующих формул. Однако забывать ту объективную информацию о реконструируемых фактах, которая скрывается за этими формулами, равносильно переходу на позицию интерпретации языкознания, которая усматривает в лингвистических формулах исключительно символизацию самой исследовательской процедуры. Очевидно, что такая позиция — следствие общеметодологической установки неопозити-

²¹ А. Мейе. Указ. соч., стр. 385; ср. также: М. Фасмер. Греко-славянские этюды. III. Греческие заимствования в русском языке. СПб., 1909, стр. VI; М. Н. Петерсон. О составлении этимологического словаря русского языка. — ВЯ, 1952, № 5, стр. 73.

²² А. Мейе. Указ. соч., стр. 385.

визма, игнорирующей то обстоятельство, что за математическим аппаратом науки всегда стоит некоторая объективная реальность. Между тем, не менее важным и необходимым этапом лингвистического анализа является этап интерпретации, приводящий сравнительно-историческое исследование в известном приближении к реальным характеристикам гипотетического объекта. Игнорировать выполнение второго этапа — это значит закрывать глаза на магистральный путь развития сравнительно-исторического языкознания, на котором уже достигнуты столь внушительные успехи (вплоть до реконструкции компонентного состава исторических фонем)²³. Поэтому, несомненно, заслуживает внимания известная попытка немецкого компаративиста Э. Хермана разграничить дополняющие ступени сравнительно-исторического анализа — «формулы», за которыми скрывается только краткое обобщенное выражение существующих соответствий, с одной стороны, и «реконструкции», т. е. хотя бы примерные фиксации реальных в прошлом звукотипов, — с другой²⁴.

Следует, наконец, сказать несколько слов о содержании понятия «праязык» (или «язык-основа») в современном сравнительно-историческом языкознании. Сравнительно-историческое исследование группы родственных языков всегда приводит к постулированию в прошлом общего языкового предка данной семьи со всеми атрибутами «естественного языка» (диалектное членение и т. п.). Вместе с тем исследование всегда реконструирует этот праязык лишь в более общем виде, с большим или меньшим приближением к языковой реальности, имевшей место в прошлом. Э. Кейпелл, реконструировавший общеавстралийский, справедливо писал в этой связи: «Соединенные вместе эти общие элементы не могли бы составить „язык“ как практическое орудие коммуникации; они не могли бы служить даже в качестве кода, используемого в случае крайней необходимости»²⁵. Должно быть очевидным, что если фонетико-семантические реконструкции, выполняемые в исследовании, приводят

²³ На фоне известного отставания в области исследования типологии семантических изменений особенно выдающимися следует признать успехи в анализе фонетических изменений. Ср.: Н. М. Hoenigswald. *Language change and linguistic reconstruction*. Chicago, 1960; его же. *The principle step in comparative grammar*. — Lg., vol. 26, № 3, 1950; его же. *Phonetic similarity and internal reconstruction*. — Lg., vol. 36, № 2, 1960.

²⁴ См.: E. Hermann. *Über Reconstruieren*. — KZ, Bd. 41, 1907, стр. 62; ср.: Э. А. Макаев. *Синхрония и диахрония и вопросы реконструкции*. «О соотношении синхронного анализа и исторического изучения языков». М., 1960, стр. 148—149; Robert A. Hall Jr. *On realism in reconstruction*. — Lg., vol. 36, № 2, 1960.

²⁵ Ср.: A. Capell. *A new approach to Australian linguistics*. Sydney, 1956, стр. 3; см. также: Вяч. Вс. Иванов. *Вероятностное определение лингвистического времени (в связи с проблемой применения статистических методов в сравнительно-историческом языкознании)*. «Вопросы статистики речи (материалы совещания)». Л., 1958, стр. 67.

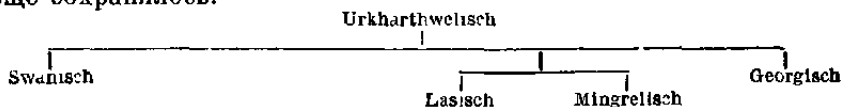
к соответствующим формулам, которые лишь в определенной степени приближаются к реальности языка-основы, то и вся сумма наших знаний о праязыке представляет собой некоторую логическую модель, лишь частично адекватную самому историческому объекту.

Как указывалось выше, «Словарь» является первым опытом применения к картвельским языкам исследовательской методики, разработанной в индоевропейском языкознании и использованной в последнее время Ю. Покорным. Здесь ретроспективно прослеживается история общекартвельского и грузинско-занского материала и дается его сравнительно-историческая реконструкция. В отличие от методики Ю. Покорного здесь отграничиваются две различных хронологических плоскости реконструкции. С одной стороны, восстанавливаются общекартвельские основы и аффиксы, с другой — только грузинско-занские. Общекартвельский язык-основа понимается здесь как совокупность диалектов единого языкового предка современных картвельских языков в период накануне его распада на отдельные языки. Предполагаются, следовательно, значительные диалектные расхождения на общекартвельском хронологическом уровне, которые не могли не отразиться в материалах словаря. Этим обстоятельством обусловлены, в частности, двойные фонетические и семантические реконструкции, предлагаемые в словаре (ср. **lems*₁- || *leps*₁-, || **mašw*- || **mašw*- и др.). Но прежде всего необходимо учитывать, что ряд грузинско-занских, грузинско-сванских и занско-сванских материальных соответствий восходит, по-видимому, к ареальным изоглоссам еще общекартвельского языкового уровня. Можно думать, в частности, что целый ряд фонетических соответствий, противопоставляющих сванский ареал грузинско-занскому, восходит своим становлением еще к общекартвельскому периоду (см. стр. 36).

Общекартвельскими в работе называются основы и аффиксы, сохранившиеся либо во всех трех современных картвельских языках, либо в сванском и одном из двух остальных языков. Включение в словарь материала, свидетельствуемого лишь грузинско-занским ареалом, частично объясняется возможностью его соотнесения с общекартвельским хронологическим уровнем (в виде ареальных изоглосс), частично — возможностью последнего выявления его сванского эквивалента, и, наконец, ценностью этого материала для выяснения общих закономерностей развития картвельских языков. Включены в словарь и древние заимствования из других языков, претендующие на хронологическую соотносимость с реконструируемыми в работе плоскостями. Наоборот, не включены основы и аффиксы, по-видимому, картвельского происхождения, но одиноко стоящие по языкам и не дающие почвы для их сравнительно-историче-

ского анализа. Особенно много последних предполагается в сванском языке: ср. **tqab-/tqb-* 'жарить', **yumir-* 'ель', **šdim-* 'ухо', **qad-* 'живот', **-šw* показатель твор. падежа и др.

Наличие двух временных плоскостей реконструкции в словаре продиктовано принятием известной схемы исторической дифференциации картвельских языков, предложенной Г. Деетерсом²⁶, согласно которой сванский являлся уже вполне самостоятельной языковой единицей, когда грузинско-занское языковое единство еще сохранялось:

При этом Г. Деетерс опирался на то обстоятельство, что хотя занский (мегрельско-чанский) разделяет со сванским некоторые общие черты, они, однако, не идут в сравнение с многочисленными общими инновациями, которые он разделяет с грузинским языком. Факты, выявленные всем последующим исследованием (и в частности данным словарем; см. стр. 34) не только не опровергают этой точки зрения, но напротив, придают ей новые основания, делая ее, таким образом, прочным достоянием современной картвельстики. Общекартвельская плоскость реконструкции соответствует хронологически наиболее позднему периоду в существовании языка-основы, который непосредственно предшествовал его распаду на самостоятельные языковые единицы. Аналогичным образом грузинско-занская плоскость реконструкции отвечает наиболее позднему периоду в существовании промежуточного «общего» грузинско-занского языка. Должно быть очевидным, что именно эти плоскости — наиболее доступные для контроля со стороны методики диахронического исследования.

Так как максимальная глубина сравнительно-исторической реконструкции в словаре соотносима с периодом, непосредственно предшествовавшим распадению языка-основы, здесь устанавливаются этимологии лишь тех единиц, которые этимологически интерпретируются вплоть до этого уровня. В данной связи в работе не предпринимается попыток сведения к единому архитипу глагольных основ, представленных уже на общекартвельском хронологическом уровне чередованиями по качественному аблауту типа *a/0* (нуль звука) — ср. груз. *txar-/txr-* ~ сван. *štzar-/štxr-* 'копать, рыть', груз. *xan-/xn-* ~ сван. *qan-/qn-* 'работать на быках, пахать' или типа *e/0* (нуль звука) — ср. груз. *šed-/šd-* ~ сван. *sed-/sd-* 'оставаться', груз. *čwed-/čwd-* ~ сван. *hwed-/hwd-* 'давать'

²⁶ См.: G. Deeters. Das Kharthwelische Verbum. Vergleichende Darstellung des Verbalbaus der Südkaukasischen Sprachen. Leipzig, 1930, стр. 3.

и др. Нет в словаре и попыток выявления возможно уже окаменелых к этому периоду аффиксальных морфем. Как известно, в специальной литературе существует мнение, что целый ряд ныне простых основ (см., напр., **da(s)tw*- 'медведь', **du(s)te*- 'луна, месяц', **tixel*- 'тонкий, редкий' и др.) включает в свой состав исторические аффиксы — показатели грамматических классов, аналогичные соответствующим аффиксам нахско-дагестанских языков²⁷. Как показывает материал, решение подобных проблем является уже задачей внутренней реконструкции самого общекартвельского языка-основы и, таким образом, выходит за хронологические рамки работы: вряд ли можно сомневаться в принципиальном отличии ступени реконструкции общекартвельского состояния от ступени внутренней реконструкции самого общекартвельского материала. Неслучайно в словаре восстанавливается обилие основ с многокоנסонантным составом. Что же касается проблемы суффиксов детерминантов основ, стоящей в картвелистике для эпохи хронологически более поздней, чем общекартвельская (ср. противопоставление состава основ одной семантики в сванском и грузинско-занском), то она затрагивается постольку, поскольку одним из уровней реконструкции в работе является грузинско-занский.

В сравнительно-исторических реконструкциях данное исследование опирается почти исключительно на реально засвидетельствованные факты современных картвельских языков (исключения представляют случаи, когда древнегрузинские контексты сохраняют ныне уже утраченные единицы). Очевидно, что онтологическая природа древнегрузинских фактов, во многих случаях весьма проблематична (ср. дискуссионные вопросы древнегрузинской орфографии)²⁸ и сама нуждается в истолковании посредством привлечения данных современного языкового состояния. Вместе с тем следует учитывать, что эти факты отражают нормы лишь одного из древнегрузинских диалектов. Отсюда должна быть понята та преимущественно контролирующая роль, которую выполняет древнегрузинский материал в процессе этимологического исследования.

Реконструкции фонетического материала опираются в работе как на ставшие уже традиционными точки зрения о закономерностях исторической фонетики картвельских языков (работы Ал. Цагарели, Н. Я. Марра, А. Г. Шанидзе, А. С. Чикобава, Г. С. Ахвледиани, В. Т. Топурия, С. М. Жгенти, Г. В. Рогава

²⁷ Ср.: © А. С. Чикобава. Чанско-мегрельско-грузинский сравнительный словарь. Тбилиси, 1938; © его же. Древнейшая структура именных основ в картвельских языках. Тбилиси, 1942.

²⁸ Ср. интересное обсуждение некоторых из этих вопросов в работе: © М. П. Дзидзишвили. Фонетические процессы в древнегрузинском языке. Тбилиси, 1960.

и др.), так и на новые взгляды, отражаемые главным образом работами Г. И. Мачавариани и Т. В. Гамкрелидзе²⁹.

В соответствии с картвелистической традицией здесь принимается исходность фонем s_1, z_1, δ_1, c_1 и c_2 (фонетически, возможно, свистящих или свистяще-шипящих), отражаемых свистящими рефлексам в грузинском ареале и шипящими в занско-сванском³⁰. Занско-сванские рефлекс простых грузинских шипящих в виде гармонических комплексов (по терминологии Г. С. Ахвледиани) тех же шипящих с однотипными заднеязычными признаются вторичными. Принимается далее старая точка зрения о комбинаторном характере, обусловленном последующим i , соотношения груз. $g \sim$ занск. $\check{z}$ в абсолютном исходе именной основы: ср. * mc_1er- , * $mqar-$, * $pir-$, * $pur-$, * c_1xwir- и др.³¹; аналогичным образом разделяется известное положение о комбинаторном характере соотношения груз. $l \sim$ зан. r в исходе именной основы (ср. внутризанское чередование $l \parallel r$ в этой позиции³²). Сюда примыкает и положение о замещении в ряде случаев мегрельским r грузинского и чанского $k \parallel x \parallel g$ ³³, а также новое, однако уже успевшее стать прочным достоянием картвелистики положение Г. В. Рогава

²⁹ Краткий обзор принимаемых здесь точек зрения см. в нашей статье «Опыт реконструкции фонемного состава общекартвельского языка-основы». «Изв. АН СССР, ОЛЯ», 1960, т. XIX, вып. 1, стр. 22—31).

³⁰ О звукосоответствиях в картвельских языках см.: Ал. Цагарели. Мингрельские этюды. II. Опыт фонетики мингрельского языка. СПб., 1880; Н. Я. Марр. Тубал-каинский вклад в сванском. «Изв. АН», 1912, стр. 1093—1098; его же. Из поездок в Сванию. «Христианский Восток», II, вып. I, 1913, стр. 1—36; его же. Определение языка второй категории Ахемнидских клинообразных надписей по данным яфетического языковедения. (Предварительное сообщение). — ЗВРАО, т. XXII, вып. 1—2. СПб., 1914, стр. 31—106; © В. Т. Тогурия. Фонетические наблюдения над картвельскими языками. I. «Обозреватель», I. Тбилиси, 1926, стр. 198—219; II. «Архив Грузии», II. Тбилиси, 1927, стр. 174—186; © его же. Некоторые вопросы сравнительной фонетики картвельских языков. — ИКЯ, XII, 1900, стр. 149—160; © А. С. Чикобава. Чанско-мегрельско-грузинский сравнительный словарь. Тбилиси, 1938; © Г. С. Ахвледиани. Вопросы общей и грузинской фонетики. Тбилиси, 1958; © С. М. Жгенти. Основные вопросы фонетики сванского языка. Тбилиси, 1949; © его же. Фонетика грузинского языка. Тбилиси, 1956; © Г. В. Рогава. Основные вопросы сравнительно-исторического изучения фонетики картвельских языков. — ИКЯ, IV, 1953, и др.

³¹ См.: Н. Я. Марр. Две новые работы С. С. Uhlenbeck'a по баскскому языку. «Язык и литература», вып. 1, 1926, стр. 268; G. Dumézil. Langues caucasiennes. «Les langues du monde». 2-me éd. Paris, 1952, стр. 249; © Г. В. Рогава. Из области звукосоответствий в картвельских языках: $r = \check{z}$. «Вопросы структуры картвельских языков», I. Тбилиси, 1959.

³² J. Reby [реп.]. Н. Марр. Грамматика чанского (лазского) языка. «Journal Asiatique», X série, t. XVII, mars-avril, 1911, стр. 336; © А. С. Чикобава. Чанско-мегрельско-грузинский сравнительный словарь. Тбилиси, 1938, стр. 6.

³³ © А. С. Чикобава. Сравн. сл., стр. 448; © Г. В. Рогава. Из звукосоответствий картвельских языков. Мегр. $r =$ груз. g . «Сообщ. АН Груз. ССР», 1949, т. X, № 8, стр. 505.

о спорадической спирализации аффрикат в сванском³⁴ (исключения см. под **anc*₁ʃ-, **c₁xra*-, **c₁oz*₁-, **ʒ₁aryw*- и др.).

В работе, далее, разделяется старое мнение Н. Я. Марра о переходе древнего **l* в ауслауте сванских именных основ (в паузе — по его терминологии) в *w* со спорадически реализованной полной утратой звучания: ср. **anc*₁ʃ-, **waʃ*ʃ-, **zis*ʃʃ-, **msxal*-, *(*s₁*)*lxil*-, **ʒ₁ay*ʃʃ-, **gwel*-, **gul*-, **dedal*-, **ma*ʃʃʃ-, **ma*ʃʃʃʃʃʃ-, **sxmar*ʃʃʃ- и др. Как известно, процесс передвижения велярного *l* в губно-губное *w* находит многочисленные типологические параллели в различных индоевропейских (германских, славянских), финно-угорских, нахско-дагестанских языках³⁵. Из принятия этого положения логически следует, что сванское *l*, встречающееся в данной позиции, позднейшего происхождения и объясняется либо присоединением суффикса оценки -əʎ || -il (см. **da*-, **du*(*s₁*)*te*-, **dqa*-, **zura*-, **mal*-, **katam*-, **ʒ₁ma*- и др.), либо переходом **r* > *l* (см. **pir*-, **papar*-).

Принимается, наконец, известная точка зрения Н. Я. Марра, развиваемая в последнее время В. Т. Топурия, о закономерном соответствии сванского *h* > 0 (нуль звука) грузинско-занским абруптивными аффрикатам: ср. **m₁er*-, **c₁ab*ʃʃ-, **c₁er*-, **cwd*-ʃ*wed*-, **cad*-, **cwer*-, **c₁e*-ʃ*c₁i*-, **cam*-, **cr*-³⁶. Работа исходит также из старого предположения Ф. Борка о том, что спорадическое соответствие сванского комплекса *št* (ʃ*d* || ʃ*t*) грузинско-занскому *t* восходит к неустойчивому сочетанию *(*s₁*)*t*³⁷.

В области исторического вокализма в работе разделяется общепринятое в картвелистике мнение о том, что сванский вокализм принципиально повторяет судьбу грузинского, отличаясь от него рядом специфических комбинаторных отклонений, и отражает, таким образом, более архаичное состояние, чем занский, для которого характерны спонтанные передвижения гласных **e* > *a* и **a* > *o*³⁸. Что касается вопроса исконных долгих гласных в картвельских языках, то «Словарь» оставляет его открытым. Как известно, еще Н. Я. Марр высказал точку зрения об архаичности долгот в сван-

³⁴ О Г. В. Рогава. Основные вопросы сравнительно-исторической фонетики картвельских языков. — ИКЯ, IV, 1952, стр. 47.

³⁵ См.: Н. Я. Марр. Где сохранилось сванское склонение. «Изв. АН», 1911, стр. 1201—1202; его же. Тубал-кайнский вклад в сванском, стр. 1095. Ср. также Б. А. Серебренников. К критике некоторых методов типологических исследований. — ВЯ, 1958, № 5, стр. 29.

³⁶ См.: Н. Я. Марр. Определение языка второй категории. ., стр. 33—34, 37, 44—45; В. Т. Топурия. Некоторые вопросы сравнительной фонетики картвельских языков, стр. 149—159.

³⁷ См.: F. Bork. Beiträge zur kaukasische Sprachwissenschaft. Theil I. Kaukasische Miscellen. Königsberg, 1907, стр. 25; Н. Vogt. Structure phonémique du géorgien. — NPS, XVIII, 1958, стр. 24.

³⁸ Ср.: А. С. Чикобава. К истории грузинско-занских соответствий. «V (XI) Научная сессия Ин-та языкознания АН Груз. ССР», Тбилиси, 1954, стр. 12; В. Т. Топурия. К вопросу об общности грамматических новообразований в картвельских языках. — ИКЯ, VI, стр. 451.

ском вокализме по сравнению с вокализмом грузинского и занского. А. Г. Шанидзе удалось даже показать, что исторически долгие гласные имелись и в тех сванских диалектах, в которых они ныне отсутствуют. Однако дальнейшее исследование показало, что значительная часть долгих гласных в сванском получена в ходе различных процессов комбинаторного характера.

Из новых точек зрения, разделяемых в работе, прежде всего необходимо отметить теорию аблаута в картвельских языках (со всеми вытекающими из нее последствиями), разрабатываемую в последнее время Т. В. Гамкрелидзе и Г. И. Мачавариани. Эта теория хорошо объясняет целый ряд противоречивых в свете традиционных взглядов фактов исторической фонетики картвельских языков (например, стяженный характер целого ряда занских соответствий грузинским полногласным формам при общем полногласном характере занского; сюда же относятся случаи фонетически не объяснимых чередований как внутри этих языков, так и между ними). В целях большей убедительности в словаре восстанавливаются как архетипы обычно лишь ступени аблаута, непосредственно отраженные в современных языках (особенно разнообразных случаях отражения исторически неоднозначных ступеней огласовки по языкам реконструкция носит более условный характер.

Теория аблаута вносит значительные изменения в известную точку зрения об историческом полногласном характере картвельских основ. Она приводит, в частности, к постулированию для общекартвельского хронологического уровня особого ряда согласных, по-видимому, слоговых **l*, **r*, **n* и **m*, прослеживаемых по особым рефлексам, отличным от отражения обычных **l*, **r*, **n* и **m*: эти рефлексy типологически тождественны аналогичным индоевропейским и сводятся к развитию в занских и сванских формах предшествующего гласного. Данное предположение, несомненно, согласуется с плодотворной идеей Г. С. Ахвледиани о наличии в картвельских языках различных видов суперации (т. е. преодоления) некоторых комплексов согласных и позволяет удовлетворительно объяснить целый ряд регулярностей в передаче древних консонантных сочетаний³⁹. В частности для занских форм принимаем отражение древнего **l* сочетанием *l* (*|| r*) с предшествующим узким гласным тембра, обычно повторяющего тембр соседнего гласного (ср. **aŋ₁l-* > *iŋčər-* || *iŋčir-*, **nedl-* > *ladər-* || *ladir-*, **zɛc,xl-* > *dačxər-* || *dačxir-*, **z₁ayl-* > *žoyor-*, **muql-* > *muxur-*, **kɫde-* > *kərde-* || *kirde-* и другие). То же самое касается в принципе истории **r*, **n* и **m* в занском (ср. **bɣr-* > *burž-*, **grɛe-l-* > *garže-* || *girže-*, **z₁ma-* > *žima-* || *žuma-* и др.). Одним из

³⁹ Ср.: О Г. С. Ахвледиани. Основы общей фонетики. Тбилиси, 1949, стр. 343 и след., 349 и след.

путей преодоления комплексов согласных в занском в данной работе считается и вокализация *w: ср. *agwa- > *m-šw-e, *kwa- и др. Вокализуется здесь *w и в соседстве с этимологическим *p: *brdywɔ- > burdyon-, *warɕwɔ- > rɕxon-, *kɛrtwɔ- > kirtlon-, *γγwɔ- > γiryon- и др. В сванском фонетический материал обнаруживает три основных типа суперации комплексов согласных. Наиболее распространенным из них является упрощение скоплений согласных путем утраты одного (или даже более) из них с возникновением «компенсаторной» долготы соседнего гласного: ср. *dg- > *v̄g- (где v — символ любого гласного), *dn- > v̄n-, *wlt- > v̄t-, *zrd- > v̄rd-, *tkw- > v̄kw-, *γwiw- > γi-w-, *qwel- > qel-, *ččw- > v̄šgw-, *cc- > v̄c-, *čr- > v̄r- и др. Другой тип суперации сочетаний согласных здесь характеризуется вставкой гласного, тембр которого определяется вокализмом гласного, утраченного в исходе основы: ср. *grɕgil- > zisq-, *dye- > la-dey-, *dqa- > daq-əl-, *qba- > gab-, *(s)ɪxil- > šdix-, *s,xwa- > ašxw- и др. Наконец, третий тип преодоления обуславливается возникновением протетического гласного в анлауте основы: ср. *šwid- > išgwid-, *mszal- > icx- и др.

Другим важным исходным постулатом работы является мнение о наличии в общекартвельском языке-основе особого ряда фонем (*s, *z, *ʒ, *c и *ç), не передвигавшихся в занско-сванском ареале в соответствующие шипящие (как это имело место в случае с *s₁, *z₁, *ʒ₁, *c₁ и *ç₁), и отраженных во всех картвельских языках как свистящие. Эта точка зрения, восходящая к идее А. Г. Шанидзе, ныне развивается работами Г. И. Мачавариани⁴⁰. Несколько примеров отражения в исконных сванских основах свистящих фонем, не передвигавшихся в шипящие, указал в последнее время В. Т. Топуриа. Основным достоинством этой точки зрения является то, что она позволяет, не прибегая к теории заимствования (или аккомодации), объяснить происхождение целого ряда звукосоответствий, некоторые из которых имеют солидное статистическое подкрепление на материале основного лексического и грамматического фонда. Необходимо лишь отметить, что фонетическая характеристика исходных звукотипов остается при этом недостаточно ясной.

Далее работа исходит из того наблюдения, что именные основы субстантивного употребления сохраняют в занском исконный ауслатный гласный (в том числе *e и *a, в других позициях не передвигавшиеся соответственно в a и o): ср. *baga-, *burdyā-, *gza-, *da-, *deda-, *mata-, *nana-, *tba-, *pɕɕa-, *qana-

⁴⁰ См.: Г. И. Мачавариани. О трех рядах сибилантных спирантов и аффрикат в картвельских языках. «XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР». М., 1960; © его же. [рец.] Vaclav Polák. Contributions à la grammaire historique des langues kartvéliennes... «Вопросы структуры картвельских языков», II. Тбилиси, 1961; ср. также: В. Т. Топуриа. Некоторые вопросы сравнительной фонетики картвельских языков, стр. 154.

*ca-, **z*₁ma-, **c*₁grta-, *bude-, *txle-, *k₁de-, *pse-l- *gle-, *c₁xe-, **c*₁utxe-, *ge-, *qc₁e- и мн. др. В то же время в именных основах атрибутивного употребления ауслаутные *e и *a (в результате проклитического положения атрибута в речевом такте не оказывавшиеся обычно в абсолютном ауслауте) передвигались в a и o; ср. *m₁cle-, *tba-, *arwa-, *c₁xra-, *da- (союз 'и') и др.⁴¹ В соответствии с этой предпосылкой в исходе целого ряда занских основ здесь усматривается l (|| j) «восстанавливаемого», как говорит традиционная грамматика, в занских формах мн. ч. имен (ср. *m-šw-e-, в занском рефлексе которого skua- || skual- ранее видели древнее *l, *dye-, *deda-, *mz₁e-, *rka-, *qe- и др.). Факт развития l в подобных случаях в эпоху и после распада грузинско-занского единства свидетельствуется такими очевидными примерами, как чан. *didil-ep-e* 'большие' от *did-i*, *nosal-ep-e* 'новобрачные' от *nosa-* (заимствование), *oxoržal-ep-e* 'женщины' от *oxorža-* (позднейший композит), мегр. *rapal-ep-i* 'священники' от *para-* (заимствование) и т. п.

Учитывается, что комплекс *we нередко выступает в идентичном виде в грузинском и занском, не давая закономерно ожидаемого wa в занском: ср. *gwel-, *gwerd-, *we-, *werž₁-, *s₁wel-, *μwel-, *šwel-, *c₁wet-, *ž₁wel-.

В нескольких случаях исследование исходит из наличия удвоенных (геминированных) согласных фонем в общекартвельском. Они, как известно, не чужды самой реальности картвельских языков и прослеживаются, например, на древнегрузинском материале (ср. написания čč, tt). Не предпринимая их фонетической характеристики, реконструируем их в случаях: *ttxel-, *tten-, *ččw-, *ččwil-, *cc-, *cc-in- и *ž₁ž₁wal-.

Принимается также закономерность отражения древних сочетаний *šw и *žw в занско-сванском ареале как *šk(w)* || *sg(w)* и *žg(w)* || *sg(w)* соответственно, установленная недавно Т. В. Гамкрелидзе⁴². В анализе мегрельских форм работа исходит из наблюдения Т. Е. Гудава о позднейшей (даже по сравнению с чанским) редупликации здесь последующего заднеязычного элемента комплекса в случае, если в начале основы имеется еще и одиноко стоящий предшествующий элемент комплекса: см. *dindgel-, *ttixel-, *ttixwŋ-, *čččk-, *čičkwŋ-, *ččw-, *ččwil-, *cickwŋ-, *cīckwŋ-, *čččg-, *žīžgŋ-, *žīžgŋwŋ- и др. Наконец, здесь предполагается, что в основе соответствия грузинской аффрикаты (реже спиранта) занскому звонкому смычному d в анлауте основы лежало некое «среднее фонетическое», т. е. звонкая аффриката

⁴¹ Ср.: Г. А. Климов. Опыт реконструкции фонемного состава., стр. 23.

⁴² О Т. В. Гамкрелидзе. Сибилантные соответствия и некоторые вопросы древнейшей структуры картвельских языков. Тбилиси, 1959.

(ср. **zeša-*, **zescxł-*, **zescxw-*, **zegzw-*, **žinčwel-* и др.). Аналогичной точки зрения придерживается Т. Е. Гулава⁴³.

Из более трудных случаев интерпретации фактов в первую очередь необходимо отметить соответствие груз. *-el* занскому *-u* в исходе именной основы, засвидетельствованное примерно в 15 случаях: ср. **beyel-*, **dindgel-*, **ttxel-*, **młkawel-*, **sel-*, **s₁wel-* и др. С одной стороны, существует мнение о чисто морфологическом характере этого соотношения; в этом случае мы имеем дело с типичными суффиксами—детерминантами основ, появляющимися в период уже после распада грузинско-занского языкового единства (данным занским основам на *-u* могут фонетически отвечать грузинские на *-o*: ср. **beyel-*, **c₁xro-*, **c₁ebo-*). Вместе с тем на возможность фонетической интерпретации данного соотношения может указывать целый ряд других фактов (ср. занск. *šu-* 'мокрый', но *šwel-* 'мочить' при груз. *swel-*; занск. *cu-* 'солома', но *o-cwal-e* 'мякинный' при груз. *cwel-*; занск. *su-* 'лен', но *sul-* 'делать волокно' при груз. *sel-*; занск. *xomul-* 'сухой' при груз. *xmel-* и т. п.). Трудна также историческая трактовка особого фонетического соответствия груз.-занск. *l(r) ~ swan. š*, встречающегося в исходе нескольких именных основ (см. **asuz₁-*, **łiz₁-*, **c₁oz₁-*, **c₁uz₁-*, **qwez₁-*) и в одной отыменной глагольной **łiz₁wŋ-*. Некоторые основания, а именно: сопоставление груз. *łizn-* ~ занск. *łižon-* > *łišon-*, близость звукоподражательного состава общекартв. **qwez₁-* 'кашель' к индоевр. **k^aas-*, **k^aas-* (IEW, 649), а также близость общекартв. **c₁oz₁-* 'жена' к авар. *члужу* и адyg. *шъуыз* того же значения, позволяют с известной вероятностью усматривать в его основе архетип **z₁*. Не менее сложна интерпретация соответствия груз.-занск. *l(|| r) ~ swan. d*, зафиксированного в исходе нескольких именных основ (**mğrgod-*, **łbid-*, **c₁wid-*, **xiad-*), возможно, как это принимается в данной работе, восходящего к древнему **d*. Неясна и фонетическая природа постулируемых в словаре подвижных *(*s*) и *(*s₁*), представляющих интересную типологическую параллель *s- mobile* индоевропейского языка-основы. Первое из них представлено как *s* в грузинском и имеет нулевой рефлекс в занском. Второе отражается сванским *š* и нулем звука в грузинском и занском.

Приводимая ниже схема звукосоответствий в современных картвельских языках носит идеальный характер, так как отражает лишь основные спонтанные изменения в фонемном составе языков и не включает многочисленных соотношений, возникающих на базе комбинаторно обусловленных процессов. Схема не включает рефлексов слоговых согласных, а также соотношений, фонетические и хронологические условия становления которых представляются менее ясными.

⁴³ Ср. иную точку зрения: О. А. С. Чикобава. Древнейшая структура именных основ в картвельских языках. Тбилиси, 1942, стр. 170—174.

Схема основных звукосоответствий в картвельских языках

Обще- картв.	Груз.	Занск.	Сван.	Обще- картв.	Груз.	Занск.	Сван.
*a	a	o	a	*g	ʔ	ʔ	ʔ
*e	e	a	e	*q	x	x	q
*i	i	i	i	*q	q	q	q
*o	o	o	o	*z	z	z	z
*u	u	u	u	*z ₁	z	z	z
*m	m	m	m	*s	s	s	s
*n	n	n	n	*s ₁	s	š	š
*l	l	l	l	*š	š	šk	šk
*r	r	r	r	*ɣ	ɣ	ɣ	ɣ
*w	w	w	w	*x	x	x	x
*j	—	ž	j	*z	z	z	z
*b	b	b	b	*z ₁	z	z	z
*p	p	p	p	*c	c	c	c
*p ₁	p	p	p	*c ₁	c	c	c
*d	d	d	d	*c	c	c	c
*t	t	t	t	*c ₁	c	c	c
*t	t	t	t	*z	z	z	z
*g	g	g	g	*ž	ž	ž	ž
*k	k	k	k	*č	č	č	č
*k	k	k	k				

Семантические реконструкции, предпринимаемые в «Словаре», связаны в целом с большими трудностями. Известно, что именно материал картвельских языков во многом явился основой для обнаружения Н. Я. Марром в 1923—1924 гг. целого ряда закономерностей семантического развития (например, поляризация значений, полигения семантики и т. п.), претендовавших на универсальную значимость⁴⁴. После того, как произвольный характер выкладок так называемой семантической палеонтологии был подвергнут в специальной литературе критике, стало очевидным, что она не внесла ничего нового в аксиоматику семантиологии, и без того очень слабо разработанную. В соответствии с принятием в работе тезиса Г. Деетерса об основных ступенях дивергенции картвельских языков в качестве опорных здесь принимаются значения, повторяющиеся, с одной стороны, в сванском языке, а с другой — в любом из прочих картвельских. В остальных случаях, кроме оговариваемых специально (ср., например, сложные случаи контаминированных основ), исследование руководствовалось критериями чисто вероятностного характера и предпочтение отдавалось семантике, частотно преобладающей по современным языкам. Сказанное, разумеется, не исключает случаев, когда сложнее оказывается реконструи-

⁴⁴ Ср.: Н. Я. Марр. Избранные работы, т. II. Л., 1936.

ровать звуковой тип слова, чем его семантику⁴⁵. Следует помнить при этом, что семантические реконструкции, подобно фонетическим, представлены в словаре формулами, за которыми во многих случаях может стоять несколько отличное (иногда более конкретное) реальное содержание.

Материал размещается по словарным статьям. Последние вводятся реконструированной формой и значением. Реконструируются, в частности, производные основы, соотносимые с обеими хронологическими плоскостями реконструкции. Далее приводятся реально засвидетельствованные по картвельским языкам формы, на которых непосредственно базируется реконструкция. Внутри занского мегрельские и чанские варианты даются отдельно как вследствие обилия вариантов, так и вследствие их нередких фонетико-семантических расхождений. Сванские основы даются с учетом форм всех четырех диалектов этого языка. При этом отмечаемые в «Словаре» формы с долготой гласных всегда предполагают отсутствие долготы в нижнебальском и лентехском диалектах. Документальные иллюстрации употребления соответствующих основ и аффиксов приводятся преимущественно на древнегрузинском контексте; занский и сванский иллюстративный материал основан на публикациях соответствующих фольклорных текстов.

Далее в словарной статье обсуждается процедура реконструкции. По мере возможности отражаются основные различия во взглядах картвелистов по сравнительно-историческому анализу материала. Отмечается авторство ранее выдвинутых сопоставлений. В словаре специально фиксируются наиболее яркие материальные параллелизмы картвельских языков с горскими кавказскими языками, представляющие интерес с точки зрения иберийско-кавказской гипотезы. Совершенно очевидна важность в последнем плане выявления именно общекартвельского материала. Включение в работу морфемного материала также подчинено цели сопоставления с соответствующими фактами горских кавказских языков. Фиксируются в «Словаре» и разительные материальные встречи картвельских языков с индоевропейскими; они интересны в основном в типологическом отношении (выявление материала звукоподражательных, символических и других основ). Для передачи картвельского материала в работе используется фонологическая транскрипция, принятая в тбилисской школе кавказоведения и восходящая в своей основе к транскрипции Н. С. Трубецкого (ср. таблицу на стр. 32). Для других языков принята общепотребительная транскрипция примеров. Для размещения словарных статей за основу принят порядок грузинского алфавита.

⁴⁵ Cp.: Н. М. Hoenigswald. Language change and linguistic reconstruction, стр. 70.

Материал словаря почерпнут из: а) опубликованных грузинских (прежде всего — древнегрузинских), мегрельских, чанских и сванских текстов; б) имеющихся лексикографических собраний и в) материалов по занскому и сванскому языкам, собранных составителем в ходе полевой работы во время научных экспедиций в Сванетию и Лазистан в 1958—1959 гг., а также во время работы с информаторами по сванскому языку и мегрельскому диалекту занского в Тбилиси. Необходимость сбора материалов диктовалась отсутствием более или менее полных словарей этих языков. Достаточно в этой связи отметить, что наиболее богатыми лексикографическими собраниями в области занского языка остаются до сих пор созданные еще в дореволюционное время и учитывающие довольно ограниченную часть занской лексики чанско-русский словарь Н. Я. Марра и мегрельско-русский словарь И. Кипшидзе⁴⁶, а в области сванского — уже давно устаревшие словари И. И. Нижарадзе и О. Уордропа⁴⁷.

Выявление общекартвельского и грузинско-занского словарного фонда естественным образом предполагало устранение в богатейшем лексическом составе картвельских языков большого слоя заимствованной уже в более позднюю эпоху лексики, являющегося, тем не менее, для всех этих языков или их части общим. Многочисленные общие персизмы, арабизмы и тюркизмы здесь легко обнаруживаются уже в силу того формального обстоятельства, что их звукотип не подчиняется закономерностям исторической фонетики картвельских языков. Затруднения, однако, вызывают случаи, когда дифференциации звукотипа основ не ожидалось по языкам и в соответствии с формулами фонетических корреспонденций: последние случаи требовали определенного указания на свой иноязычный источник.

Особенно много усвоенного лексического материала выявляется в грузинском языке, вобравшем в себя большое число основ иноязычного происхождения в процессе длительных и очень тесных этнокультурных контактов грузинского народа с другими народами Кавказа и Ближнего Востока. В грузинском словаре большими пластами представлены греческие, армянские, арабские, иранские (как новоперсидские, так и среднеперсидские) и тюркские заимствования. Особый интерес здесь представляет весьма древняя группа грузинских основ с ис-

⁴⁶ См.: Н. Марр. Грамматика чанского (лазского) языка с хрестоматией и словарем. СПб., 1910, стр. 124—240; И. Кипшидзе. Грамматика мегрельского (иверского) языка с хрестоматией и словарем. СПб., 1914, стр. 191—424.

⁴⁷ См.: И. И. Нижарадзе. Русско-сванский словарь. «Сб. материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып. 41. Тифлис. 1910; O. Wardrop. English-Svanetian Vocabulary. «Journal of the Royal Asiatic Society», 1911, стр. 589—634.

ходом на -o (*ywino*- 'вино', *çero*- 'журавль', *parto*- 'широкий' и др.), усвоенных отчасти через посредство армянского языка, в которых можно усматривать индоевропейские основы с тематическим гласным о.

Много словарных заимствований налицо и в занском языке. Это прежде всего усвоения из интенсивно влиявшего на него в течение столетий грузинского языка, а также турецкого и греческого. Влияние последних особенно ощутимо в словаре чанского диалекта. Как установил А. С. Чикобава, «чанская лексика претерпела несравненно большие изменения, чем лексика мегрельского диалекта: чанские названия времен года исчезли из памяти народной; названия дней недели и месяцев бытуют почти лишь в речи женщин; в названиях предметов домашней утвари, яств, одежды, обуви доминируют заимствованные слова; связь с лексикой других картвельских языков в этой области минимальная; иноземные интенсивные влияния на быт чанов обусловили эти изменения в лексике» (Сравн. сл., 445). В современном мегрельском диалекте можно насчитать несколько сотен грузинизмов, затрагивающих частично даже основной лексический фонд языка (ср. *kiser*- 'шея', *çarb*- 'бровь', *gwal*- 'кость' и др.).

Меньший удельный вес обнаруживает иноязычный лексический вклад в сванский язык. В сванском налицо немало грузинизмов, отчасти восходящих, вероятно, еще и к древнегрузинской языковой эпохе (ср., *droj* 'время', *şendbaj* 'прощание' и др.), все более широко проникающих в новое время, и, отчасти, заимствований (особенно в нижнебалкарском диалекте). Незначительные лексические группы восходят здесь к аланскому (осетинскому) и абхазско-адыгскому источникам⁴⁸.

Задача выявления заимствований из одних картвельских языков в другие наталкивается, как показывает ведущаяся на страницах картвелистических изданий дискуссия, на определенные трудности. В первую очередь, они связаны с трактовкой истории картвельского консонантизма. При этом, одни исследователи сводят отклонения от ранее установленных закономерностей к проявлению иных закономерностей, другие здесь усматривают явления, обусловленные по-разному. Наиболее сложной проблемой оказывается определение собственно сванского фонда, который вследствие особенностей отражения общекартвельского материала в сванском, нередко дает совпа-

⁴⁸ Об аланизмах в сванском см.: В. И. Абаев. Поездка в Сванетию. — ОЯФ, I. М.—Л., 1949; Г. А. Климов. О лексике осетинского происхождения в сванском языке. «Этимология». М., 1963. — Об абхазско-адыгском вкладе в сванский словарь см.: © С. Н. Джанашиа. Сванско-адыгейские (черкесские) языковые встречи. Грузинско-адыгейские параллели, I. «Известия ИЯИМК», т. XII. Тбилиси, 1942; Г. В. Рогава. К вопросу о структуре именных основ и категориях грамматических классов в адыгских (черкесских) языках. Тбилиси, 1956, стр. 129.

дающие то с грузинскими, то с записными рефлексы. Последнее обстоятельство объективно дает себя знать и в предлагаемой работе: в целом ряде случаев исконность сванских основ представляется проблематичной.

Этимология — совсем молодая отрасль картвельского языкознания, представленная в настоящее время преимущественно небольшими статьями: ср. серии этимологических статей и заметок А. Г. Шанидзе, А. С. Чикобава, И. В. Абуладзе, М. Андроникашвили и др. Если при этом учесть их преимущественную ориентацию на синхронные с исследованием факты (в своей значительной части это выявление основ иноязычного происхождения, заимствованных в разное время картвельскими языками), то становится ясным, что отбор материала для словаря потребовал критического анализа не столько предложенных этимологий, сколько словарных сопоставлений. В специальной литературе Фр. Боппом, М.-Ф. Броссе, А. Цагарели, М. Джанашвили, Н. Я. Марром, И. А. Джавахишвили, Г. Деетерсом, а также рядом позднейших исследователей картвельских языков выдвинуто большее число сопоставлений, многие из которых выдержали проверку временем. Вместе с тем некоторые из встречающихся в литературе сопоставлений оказываются по разным причинам неудовлетворительными и в настоящее время должны быть отвергнуты. Особенно много необоснованных сближений (в частности, картвельских фактов с абхазско-адыгскими и нахско-дагестанскими) и реконструкций содержится в работах западногерманского языковеда К. Боуда, разбросанных по многочисленным зарубежным изданиям. Этимологическая методика К. Боуда характеризуется игнорированием системы звукосоответствий между сравниваемыми языками, допущением натянутых семантических переходов, неучетом культурно-исторической перспективы исследования и многими другими недостатками⁴⁹. Тем не менее в словарь включено некоторое число проблематических сопоставлений, обычно оговариваемых специально. Включение подобных сопоставлений в работу диктуется главным образом стремлением привлечь к ним внимание для обсуждения.

Последующее исследование, несомненно, расширит рамки этимологического словаря картвельских языков и привлечением к сравнению новых фактов пополнит самый его словник. Нетрудно предвидеть, что дальнейший прогресс этимологических штудий в картвельских языках будет определяться двумя основными факторами: во-первых, вовлечением в орбиту исследования нового материала и, во-вторых, дальнейшим совершенствова-

⁴⁹ Анализа его работ дан в нашей статье «Об этимологической методике К. Боуда» («Этимология». М., 1963); ср. также G. Klimov [rev.]. K. Bouda. Südkaukasisch-nordkaukasische Etymologien. «Rocznik Orientalystyczny», t. XXV, 1960, стр. 156—158.

нием исследовательской методики. В отношении нового материала особенно многое может дать углубленное изучение лексики сванских диалектов, а также чанских говоров турецкого Лазистана, распространенных в недоступных для иностранцев северо-восточных районах Турции. Как показывает практика этимологических исследований в других языковых семьях, соотношение удельного веса обоих факторов в будущем будет, по-видимому, меняться. Если на современном этапе исследования первый фактор еще продолжает играть значительную роль, то с прогрессом науки (особенно, когда будет обобщена по языкам типология семантических переходов) центр тяжести будет перемещаться на второй фактор. Только параллельная этимологическая работа в области абхазско-адыгских и нахско-дагестанских языков даст возможность приступить к углубленному исследованию проблемы взаимного родства всех кавказских языков.

Следует специально отметить, что очень полезным для настоящей работы явился «Чанско-мегрельско-грузинский сравнительный словарь» А. С. Чикобава (Тбилиси, 1938), в котором учтены почти все грузинско-занские словарные сопоставления, выдвинутые Н. Я. Марром, и предложено много новых. Так или иначе, из этого словаря здесь принимается около 370 словарных сопоставлений (около 400 сопоставлений выдвинуто в «Этимологическом словаре картвельских языков» впервые, а остальные заимствованы из различных других источников). Необходимо подчеркнуть глубокие различия (как по материалу, так и по методике лингвистического анализа) между исследованием А. С. Чикобава и настоящим. Прежде всего, предлагаемый словарь является не сравнительным, а этимологическим. Сравнение, таким образом, играет здесь роль лишь средства для реконструкции звучания и семантики древнекартвельских основ, тогда как весь центр тяжести исследования падает на реконструкцию. Во-вторых, данная работа исходит во многих случаях из иной системы аксиоматических предпосылок (прежде всего это касается понимания закономерностей исторической фонетики картвельских языков и строения древнекартвельских основ).

Основные расхождения по анализируемому в работах материалу заключаются в следующем. Во-первых, исследование А. С. Чикобава, как известно, не претендует даже на обобщение всех грузинско-занских лексических параллелизмов, так как оно ориентировано лишь на материал, засвидетельствованный в чанском диалекте. Между тем, большее число словарных изоглосс объединяет с грузинским не чанский, а мегрельский диалект занского языка. (ср. стр. 35). В то же время в предлагаемой работе предпринят опыт исторического анализа не только грузинско-занского лексического материала, но и сван-

ского (из привлекаемых А. С. Чикобава сванских сопоставлений здесь принимается 67). Далее, необходимо помнить, что перед чанско-мегрельско-грузинским словарем не ставилось задачи привлечения только унаследованных из праязыкового состояния основ: этим объясняется наличие в нем значительного числа основ, усвоенных из одних картвельских языков в другие в результате более поздних лингвистических контактов (целый ряд из них имеет вообще иноязычное происхождение: ср. груз.-чан. *birγul*- 'крупно молотая кукуруза', груз.-занск. *kalat(a)*- 'род корзины', груз.-занск. *kardala*- 'котел', груз. *kaṭa*- ~ занск. *kaṭu*- 'кошка', груз.-чан. *pačala*- 'селезенка', груз.-занск. *kud*- 'шапка', занск. *xat*- 'нож', груз.-занск. *žor*- 'лошак' и др.). Этим же объясняется включение в словарь А. С. Чикобава значительного числа специфически занских основ, не повторяющихся в других картвельских языках и, следовательно, не рассматриваемых в данной работе (ср. занск. *argun*- 'топор', *berg*- 'мотыга', *biga*- 'палка', *lazuṭ*- 'кукуруза', *leṭa*- 'земля', *než*- 'орех', *žwabu*- 'жаба, лягушка', *bax*- 'колотить', *dardal*- 'трепетать', *l*- 'падать' и др.). Наконец, словарь А. С. Чикобава, посвященный решению прежде всего лексикологических проблем, не дает сопоставления морфологических элементов, которое является необходимым для данной работы в связи с ее общей направленностью на выявление всего исконного материального состава картвельских языков.

Из других лексикографических собраний наиболее полезными для работы явились еще незавершенный изданием «Толковый словарь грузинского языка», т. I—VII (Тбилиси, 1950 и след.), а также «Грузинско-русский словарь», составленный Давидом Чубиновым (СПб., 1887).

Сжатость изложения, его единообразие, а также краткость ссылочного аппарата обусловлены как требованиями экономии места, так и уже сложившейся в работах аналогичного плана традицией⁵⁰. Все эти обстоятельства призвано в какой-то мере компенсировать расширенное Введение. Заключительный раздел Введения к «Этимологическому словарю картвельских языков» посвящен общим выводам как лингвистического, так и нелингвистического порядка, вытекающим из рассмотренного материала. Для удобства пользования «Словарем» к нему прилагаются: указатели грузинских, занских и сванских основ и форм, указатель основ горских кавказских языков, указатель индоевропейских основ, а также семантический указатель (в указателе занских основ не приведены формы самурзакано-зугдидского говора мегрельского диалекта с *ə*, отвечающие формам сенакского говора с *i*).

⁵⁰ Ср.: M. Vasmer. Russisches etymologisches Wörterbuch, Bd I—III. Heidelberg, 1953—1957; В. И. Абаев. Историко-этимологический словарь осетинского языка, I. М.—Л., 1958.

Ниже следует таблица соответствий транскрипционных знаков на латинской и грузинской графических основах⁵¹.

Лат.	Груз.	Лат.	Груз.	Лат.	Груз.
a	ა	n	ნ	k	კ
ā	ა̄	ŋ	ჲ	γ	ჴ
ā̄	ა̄̄	j	ი	q	ჭ
b	ბ	o	ო	s	ს
g	გ	ō	ო̄	c	ც
d	დ	ō̄	ო̄̄	c ₁	ც ₁
e	ე	p	პ	z	ზ
ē	ე̄	z	ზ	z ₁	ზ ₁
w	ვ	r	რ	ç	ჩ
z	ზ	ṛ	რ̄	ç ₁	ჩ ₁
z ₁	ზ ₁	s	ს	ç̄	ჩ̄
t	თ	(s)		x	ხ
i	ი	s ₁		q	ყ
ī	ი̄	(s ₁)		z̄	ზ̄
k	კ	t	თ	h	ჰ
l	ლ	u	უ	ē	ე̄̄
l̄	ლ̄	ū	უ̄	·	·
m	მ	p	პ		
mp	მპ				

В тексте использован ряд условных символов. Квадратные скобки [] означают, что заключенная в них форма в современном языке либо не функционирует вовсе, либо встречается лишь в связанном состоянии. Круглые скобки указывают на факультативность заключаемых в них фонем. Знак тильды ~ используется для передачи отношения соответствия между сопоставляемыми разноязычными формами, а косая черта / обозначает чередование форм внутри одного и того же диалекта. Параллельки || указывают на параллельность употребления форм. Если значения основы по языкам одинаковы, они приводятся лишь для первой из цитируемых форм; для морфемного материала в соответствующих случаях указывается лишь значение реконструированной формы.

⁵¹ Словарные статьи в «Словаре» расположены в порядке грузинского алфавита (см. таблицу).

Анализ рассматриваемого в словаре материала позволяет прийти к целому ряду существенных выводов, характеризующих как количественную, так и качественную стороны материального родства картвельских языков. Как известно, скептическое отношение к лексике как показателю древних диалектных связей в пределах той или иной генетической группировки языков, характерное для младограмматического этапа языкознания (ср. работы Б. Дельбрюка, К. Бругмана, З. Файста и др.), признается современным сравнительно-историческим языкознанием несостоятельным⁵². Вряд ли имеются серьезные основания сомневаться в релевантности выполняемых в этимологических словарях исследований для различного рода иных выводов как лингвистического, так и нелингвистического порядка. Вместе с тем исследование лексического родства языков (в том числе и довольно многочисленные за последнее время опыты применения глоттохронологической методики) неоднократно давало выводы, очень хорошо согласующиеся с итогами лингвистических исследований другого рода.

Нет оснований оспаривать и то очевидное обстоятельство, что этимологическое исследование еще с раннего этапа сравнительно-исторических штудий позволяло приходить к важным выводам нелингвистического характера.

Результаты лексического исследования, предпринятого в данном словаре, создают определенную основу для верификации упоминавшейся выше гипотезы Г. Деетерса о путях исторической филиации картвельских языков.

Общекартвельский лексический фонд, как показывают материалы словаря, составляют в своей основе те самые лексические группы, без которых нельзя себе представить функционирование человеческого общества. К этому фонду относится номенклатура родственных отношений («мать», «отец», «дочь», «брат», «сестра», «жена», «зять» || «жених», «свояк» и др.), космическая терминология и названия природных явлений («небо», «солнце», «луна», «день», «море», «озеро», «скала» и др.), обозначение частей тела человека и животного («голова», «сердце», «кровь», «кость», «легкие», «печень», «мясо», «остов» || «хрящ», «лоб», «глаз», «язык», «челюсть», «подбородок», «борода», «грудь», «плечо», «подмышка», «нога», «ноготь», «коготь», «хвост», «testiculum»; сюда же примыкают «слеза» и «пот»). Входят в этот фонд названия диких и домашних животных и птиц («медведь», «лиса», «змея»,

⁵² См., например: W. Porzig. Die Gliederung des indogermanischen Sprachgebiets. Heidelberg, 1954, стр. 53—64; «Сравнительная грамматика германских языков» (в пяти томах), т. I. М., 1962, стр. 36—37, 48 и след.

«куница», «перепелка», «кукушка», «мышь», «собака», «бык», «корова», «овца», «коза», «баран», «гусь», «курица», «червь», «муха» || «насекомое», «блоха», «вошь»), ряда деревьев и растений («граб», «липа», «бук», «ива», «орешник», «яблоня», «груша», «мушмула», «лавровишня», «трава», «просо»). Относятся сюда и многочисленные названия различных действий и состояний («идти», «стоять», «бежать», «лежать», «катиться», «рождать», «слышать», «делать», «таять», «сыпаться», «есть», «пить», «лизать», «блевать», «варить», «жечь», «парать», «ткать», «опоясывать», «стлать», «рубить», «резать»), качеств («тонкий», «круглый», «красивый», «старый»), названия таких продуктов, как «молоко», «сыр», «мед», «воск», «соль», «шерсть овцы» и др. Наконец, сюда входят числительные до десяти (кроме, по-видимому, «одного»), а также «сто», и вместе с тем целый ряд местоименных основ («я», «ты», «мы», «вы», «то», «это», «что» и т. п.).

Если этимологический словарь индоевропейских языков сопоставляет слова обычно в корневых элементах, а этимологические словари романских языков Фр. Дитца и В. Мейер-Любке — в их цельности, то это различие во многом диктуется различной степенью родства рассматриваемых языков. В этом плане известным ориентиром является уже тот факт, что данная работа, уделяя примерно одинаковое внимание как корневым, так и словосным сопоставлениям, во многом занимает промежуточное место.

Статистическое обследование материала устанавливает прежде всего значительно большую степень лексической близости между грузинским и занским, чем каждого из них со сванским. Так, по материалам словаря, грузинский со сванским объединяет около 360 лексических изоглосс, а занский разделяет с последним всего 333 лексические изоглоссы (необходимо иметь в виду, что несколько меньшее число выявленных занско-сванских сопоставлений по сравнению с числом грузинско-сванских — 13 против 40 — объясняется, возможно, меньшей изученностью занско-сванских языковых взаимоотношений в целом). В то же время уже выявлено около 825 грузинско-занских словарных параллелей. В ходе исследования было вычислено процентное соотношение совпадений, характеризующее материал так называемого основного словаря (basic vocabulary) М. Сводеша в его сокращенном варианте из ста единиц. Оно составило около 44% между грузинским и занским и лишь до 30% между сванским и каждым из остальных картвельских языков (цифры имеют приблизительный характер вследствие некоторых трудностей в выборе по языкам единиц, отвечающих требованиям контрольного списка слов). Соответственно, степень лексического родства языков, определенная по методике С. Гуджинской, равна в первом случае 37,8, а во втором — 56 дипам⁵³. Выполненная на основе такого статистического

подсчета датировка временной глубины (time depth) дивергенции картвельских языков показывает, что грузинско-занский должен был начать отход от общекартвельского состояния около XIX столетия до н. э., в то время как внутренняя дифференциация грузинско-занского языкового единства должна была начаться лишь около VIII в. до н. э.⁵³ Нельзя не отметить, что Х. Вугтом при глоттохронологическом анализе грузинского языка и мегрельского диалекта занского получены существенно отличные цифры⁵⁴. Это закономерно объясняется тем обстоятельством, что занский материал здесь рассматривался в целом; вместе с тем методика подсчета, принятая Х. Вугтом, предполагала привлечение к анализу всех основ, требуемых опытным списком М. Сводеша, включая заимствования из грузинского в мегрельский. Между тем, в литературе по лексико-статистической теории отмечалась необходимость вычисления соответствующей поправки для материала языка, подвергнувшегося интенсивному иноязычному воздействию (что, несомненно, относится и к мегрельскому диалекту занского). Большая взаимная близость грузинского и занского в морфологическом плане, акцентировалась, как известно, еще Г. Деетерсом⁵⁵.

Материал словаря показывает несомненно большую степень лексической близости мегрельского диалекта занского по сравнению с чанским к грузинскому. Так, если мегрельский разделяет с грузинским свыше 175 лексических изоглоссов, отсутствующих в чанском, то оказывается всего лишь 37 грузинско-чанских основ. Интересно также, что в целом ряде случаев мегрельские формы объединяются с грузинскими (а не чанскими) и семантически (ср. *tip-, *lekw-, *nena-, *kon-, *šwel-, *c₁xe-, *zoṭr- и др.). Эти факты закономерно отражают лингво-географическое положение занского языка, чанские говоры которого представлены на окраине картвельского языкового мира.

Культурно-историческая интерпретация древнего словарного состава картвельских языков посредством традиционного метода «слов и вещей» также приводит к целому ряду интересных выводов. Прежде всего обращает на себя внимание то обстоятельство, что сванский язык разделяет с другими картвельскими

⁵³ См.: S. C. Gudschinsky. Lexico-statistical skewing from dialect borrowing. «International Journal of American Linguistics», vol. 21, 1955, 138—149.

⁵⁴ См.: Г. А. Климов. О лексико-статистической теории М. Сводеша. «Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике». М., 1961, стр. 243—245.

⁵⁵ См.: K. Bergsland and H. Vogt. On the validity of glottochronology. «Current Anthropology», vol. 3, № 2, 1962, стр. 120—123.

⁵⁶ См.: G. Deeters. Das Kharthwelische Verbum. Leipzig, 1930, стр. 3.

такие характерные единицы скотоводческой терминологии, как **dqa*- 'коза', **matgl*- 'шерсть (овцы)', **per*- 'пена (текущая из пасти животных)', **pur*- 'корова', **qam*- 'шкура (овцы, козы)', **qan*- 'бык', **zayl*- 'собака', **req*- 'гнать (скот)', **qwer*- 'кастрировать (скот)', **cet*- 'трава' и т. п. То же самое относится, по-видимому, к отдельным терминам земледелия. Однако, терминов, связанных с оседлой земледельческой культурой, сванский с другими картвельскими почти не разделяет. Такие характерные основы, как **baga*- 'ясли', **beyel*- 'амбар', **tes*- 'сеять', **tib*- 'косить', **pir*- 'отбивать косу', **ška*- 'улей', **qana*- 'нива', **cel*- 'косить' и некоторые другие, составляют исключительно грузинско-занские явления. Полезно иметь в виду при этом, что, как показывают данные археологии, отделение скотоводства от земледелия в Закавказье приурочивается к рубежу II—I тысячелетия до н. э., т. е. к эпохе больших культурно-экономических сдвигов, в результате которых скотоводческие племена стали тяготеть к горным районам (с использованием высокогорных пастбищ), а земледельческие — к равнинам и, в частности, к долине Куры⁵⁷. Интересно, вместе с тем, что у сванского нет общих с другими картвельскими языками названий не только меди, бронзы, но и культурных приобретений эпохи XI—IX вв. до н. э. — льна, маслобойки, железа, лошади и т. п. Глиняные маслобойки (см. *(*s*)*a-c₁exw-el*-) обнаружены на территории Грузии в большом количестве, начиная со времени поздней бронзы; с этого периода начинается здесь разведение культуры льна и использование лошади.

К аналогичным выводам приводит рассмотрение и формальной стороны материала.

Во-первых, при этом надо отметить значительно большую взаимную близость звукового облика грузинских и занских основ и аффиксов по сравнению с их сванскими эквивалентами (ср. **asuz*-, **bude*-, **deda*-, **dqa*-, **gwel*-, **gręgil*-, **pręxa*-, **krem*- и др.). Во-вторых, грузинский и занский разделяют общность целого ряда словообразовательных типов (ср. словообразовательную аффиксацию с префиксами *(*s*)*i*- и *(*s*)*a*-, аффиксацию **me*- — *-al*, **me*- — *-el*, аффиксацию причастий **-il* и др.), чуждых для сванского языка. Наконец, с этими фактами согласуется наличие ряда звуковых соответствий, противопоставляющих сванские основы соответствующим грузинским и занским. Сюда относятся соотношения: сван. *o* ~ груз.-занск. *u* (см. **du*(*s₁)te*-, **ku*ta-, **u*-, **gur*-, **şubl*-), сван. *št* ~ груз.-занск. *t*, сван. *š* ~ груз.-занск. *l* > *r*, сван. *k* ~ груз.-занск. *c* || *č*, сван. *g* ~ груз.-занск. *ž* || *š*.

⁵⁷ Ср.: Б. Б. Piotrowskiy. Археология Закавказья. Л., 1949, стр. 53.

Нельзя, наконец, проходить мимо еще одного важного обстоятельства, заключающегося в том, что грузинский и занский сохраняют в закономерно дифференцированном виде два важнейших общих этнонима: *kartwel-* ~ *kortu-* 'грузин' и *megrel-* ~ *margal-* 'мегрел', указывающих на внутреннее членение грузинско-занского этноязыкового единства. Между тем, соответствующие им сванские эквиваленты *məkārt-* и *məzān-* обнаруживают совершенно специфический характер.

Следует признать, таким образом, что и количественный и качественный анализ древнекартвельской лексики дают дальнейшее подтверждение точки зрения Г. Деетерса и делают ее прочным достоянием современной картвелистики.

Н. Я. Марром и И. А. Джавахишвили под влиянием миграционистских построений современной им науки, рассматривавшей Кавказ как прибежище разгромленных в сопредельных областях этнических объединений, была выдвинута известная теория о миграции картвелов в доисторические времена в Грузию из Малой Азии⁵⁸. Культурно-историческая интерпретация древней картвельской лексики не дает, однако, какой-либо лингвистической поддержки этой теории (о встречах с индоевропейским словарем см. ниже). Более того, отдельные исконные лексические общности, разделяемые грузинским и сванским языками (но утраченные занским) и отражающие типичные атрибуты горного и даже высокогорного ландшафта (ср. **z,shaw-* 'оползень (снеговой)', **marcqw-* 'земляника' и др.) могут указывать на локализацию древних картвелов скорее в области Большого Кавказа и подкреплять таким образом взгляд С. Н. Джанашиа об автохтонности картвелов в Грузии. Последняя точка зрения хорошо согласуется с итогами археологического изучения Кавказа, которые «с полной очевидностью выявляют непрерывность происходящего здесь с древнейших времен процесса развития местной самобытной культуры, что исключает (по крайней мере, на том отрезке времени, о котором мы можем судить по имеющимся материалам) мысль о происшедшем здесь коренном изменении этнического состава этой области»⁵⁹. В пользу этого предположения говорит в какой-то мере и определение праязыкового ареала, предложенное Э. Сепиром посредством усреднения «центров тяготения» современных территорий распространения языков⁶⁰, и лингвогеографические соображения, выдвинутые в недавнее время В. Таули.

⁵⁸ Ср.: Н. Я. Марр. К истории передвижения яфетических народов с юга на север Кавказа. «Изв. АН», 1916, стр. 1379—1408; его же. К дате эмиграции мосохов из Армении в Сванию. — Там же, стр. 1686—1692 и др.

⁵⁹ Г. А. Меликишвили. К истории древней Грузии. Тбилиси, 1959, стр. 13.

⁶⁰ См.: E. Sapir. Time perspective in aboriginal American culture. «Selected writings of Edward Sapir in language, culture and personality». Berkeley — Los Angeles, 1949, стр. 455.

Мы не останавливаемся специально на большой проблеме строения общекартвельской основы, решению которой посвящены особая монография А. С. Чикобава, а также исследование, выполняемое ныне Т. В. Гамкрелидзе и Г. И. Мачавариани. Ниже формулируются лишь некоторые наиболее общие положения, касающиеся фонологического и морфологического строения общекартвельских основ и вытекающие, в частности, из нового материала, вводимого в обиход словарем. С фонологической точки зрения, обращает на себя внимание превалирующий многоконсонантный характер общекартвельских производных основ. Наиболее часто встречаются модели типов CVC-, CVCV-, CVCC- и CCVC- (где C — символ согласного, а V — гласного). Первая модель особенно характерна для глагольных основ, хотя встречается и в именных. Вторая, включающая как разновидность весьма распространенный тип CVCVC-, характеризует именные основы. Наконец, два последних типа, характеризуют прежде всего именные основы, нередко встречаются и в глагольных. Значительное число основ обнаруживает аналитный *r*. Напротив, отсутствуют случаи, предполагающие реконструкцию в общекартвельских праформах спиранта *ʒ, считающегося для картвельских языков вторичным явлением⁶¹, и лишь однажды — в случае **jor*- 'два', — восстанавливается древний *j*. В архетипах свидетельствуется большое число различных аффрикат. Обращает на себя внимание возможность реконструкции в нескольких основах «геминированных» согласных, фонетическая характеристика которых остается, однако, неясной. Из сопоставления современных языковых форм с их предполагаемыми прототипами напрашивается вывод о том, что в сванском начало основы и особенно ее конец сохраняются в общем хуже, чем в других картвельских языках.

В области морфологического строения общекартвельских основ следует отметить отсутствие в них показателей категории грамматического класса. Вместе с тем на общекартвельском хронологическом уровне постулируется ряд производных основ, образованных путем присоединения словообразовательной аффиксации и прежде всего префиксов. Обращает на себя внимание близость звукотипа общекартвельских префиксов причастий **m(e)*- и **n(a)*- к известным в картвельских языках местоименным основам *та*- и *па*- (ср. чан. *па*-) со значением «что», «который». Типологические параллели этому явлению прослеживаются, как известно, и в некоторых иных лингвистических семьях (ср. отмеченную в семитологии, близость семитских причастных префиксов к местоименным основам со значением 'что', 'который').

⁶¹ Ср., например: © Т. Г о н и а ш в и л и. Из истории одного звука в грузинском языке. «Изв. ИЯИМК», II. Тбилиси, 1937.

Из рассмотренного в «Словаре» материала вытекает и целый ряд различных выводов частного порядка. Среди них интересно выявление в нескольких занских (прежде всего — чанских) глагольных основах в позиции после *n* и *г* варианта исторического показателя страдательного залога **-d/-ed*; см. **gown-*, **γor-*, **čnd-*, **con-*, **čred-*, **čgind-*. Как известно, считается, что в грузинском исторический предшествующий вариант **-n/-en* переходит в **-d/-ed* в аналогичной позиции, а также после *l*. Обнаруживается, далее, некоторое число примеров на внутризанское чередование *г ~ n*, обычно совпадающее по ареалу с границами мегрельского и чанского диалектов: ср. **brdywɔ-*, **burɔya-*, **grze-l-*, **warɔxwɔ-*, **kwircɔ-*, **rtɔ-*, **rkin-*, **rɔqɔw-*, **cɔm-* и др. (впрочем, иногда рефлекс *n* прослеживается и на территории мегрельского). Наконец, лексический материал словаря не подтверждает старого утверждения Н. Я. Марра о наличии фонетического соответствия груз. *l ~* занск. *е*. Скорее можно привести примеры обратного соотношения: ср. **deda-*, **wenaq-*, **z₁e-*, **kekwɔ-*, **čem-*, **zeša-* и др.

Иберийско-кавказская гипотеза, развивающаяся в рамках так называемого long-range comparison (т. е. сравнения языков с предполагающимся отдаленным родством) характеризуется все еще слабым статистическим подкреплением отмечаемых между различными группами кавказских языков соответствий. Поэтому наряду с актуальностью задачи выявления новых материальных параллелизмов между картвельскими, абхазско-адыгскими и нахско-дагестанскими языками центр тяжести соответствующего доказательства ложится в определенной мере на анализ качественной стороны фактов. В частности, особое значение приобретает в этих условиях выявление такого релевантного материала, каким являются общие элементы основного лексического фонда.

В этом плане опыт обобщения картвельского материала позволил обнаружить такие новые лексические параллели к соответствующим фактам абхазско-адыгских и нахско-дагестанских языков, как, например, следующие названия частей тела и организма: **d(l)aqw-* 'локоть', **law-* 'мясо', **twa-* 'вымя', **pir(s₁)tw-* 'легкие', **pɔa-* 'остов, хрящ' и некоторые другие. С другой стороны, заслуживают внимание и такие встречи в морфологическом инвентаре, как **-d* картвельского обстоятельствоно-эргативного и общедагестанского эргативного падежей, **-s* картвельского и дагестанского дательного, **-is₁* картвельского генитива и **-ss* генитива и полных форм прилагательных ряда дагестанских языков и др. Сведение всех подобных параллелизмов воедино затруднено вследствие отсутствия в настоящее время сравнительно-исторических словарей как абхазско-адыгских, так и нахско-дагестанских языков. Должно быть очевидным, что оно составляет задачу специального исследования.

Анализ схождений древнекартвельского лексического фонда с индоевропейским интересен прежде всего с точки зрения сравнительно-типологического языкознания. В этом плане неоспорима материальная общность с индоевропейскими такими картвельских звукоподражательных основ, как: **b(y)u-*, **gugul-*, **kus-*, **lal-*, **lok-*, **pu-*, **yar-*, **yruť-*, **qwez₁-* и др. То же самое касается целого ряда картвельских символических основ, функционирующих преимущественно в номенклатуре родственных отношений: ср. **baba-*, **deda-*, **mata-*, **nana-*, **papal-* и др. Они представлены, как правило, и в других группах кавказских языков.

Хотя анализ схождений древнего картвельского лексического фонда с индоевропейским интересен прежде всего с точки зрения сравнительно-типологического языкознания, обращает на себя внимание целый ряд картвельско-индоевропейских параллелизмов, по-видимому, необъяснимых типологически. Сюда могут быть отнесены такие основы, как **bod-* 'бредить, бродить', **gn-* 'слышать, понимать', **gon-* 'думать, вспоминать', **wenaq-* 'виноградник', **mkerd-* 'грудь', **tab-/tb-* 'греть(ся)', **uvel-* 'ярмо', **wino-* 'вино', **šw-* 'рождать' и др. По крайней мере часть из них (ср. **wenaq-*, **uvel-*, **wino-*) должна квалифицироваться как древние заимствования из какого-то индоевропейского источника и является результатом доисторических контактов носителей картвельских и индоевропейских языков⁶². В настоящее время невозможно, однако, говорить об особенной близости картвельских индоевропейизмов к материалу какой-либо из конкретных ветвей индоевропейских языков.

⁶² Ср.: G. Deeters. Indogermanische Forschungen, Bd. LVI, 1938, стр. 139 и след.; А. С. Чикобава. Древн. структура, 31; В. Георгиев. Исследования по сравнительно-историческому языкознанию (родственные отношения индоевропейских языков). М., 1958, стр. 265—266.